

УДК [930.2+94] "14/15"

Б.И. СИДОРЕНКО, П.Ф. ДМИТРАЧКОВ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ "РУССКО-ЛИТОВСКИХ" ВОЙН КОНЦА XV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.

В статье анализируются наиболее важные научные публикации современных российских историков, занимающихся изучением военно-политических конфликтов между Московским государством и Великим княжеством Литовским в конце XV – первой трети XVI вв., показано, что им удалось переосмыслить многие подходы и выводы, сложившиеся по данной проблематике в советской историографии, выработать, по сути, новую концепцию внешнеполитических взаимоотношений двух государств, боровшихся за восточнославянские земли, гегемонию в регионе (окончание статьи в следующем номере).

Введение

Внешнеполитические факторы развития Московской Руси, ее конфликты с Великим княжеством Литовским (ВКЛ) никогда не выпадали из поля зрения историков. Активно разрабатывается данная проблематика и в современной российской историографии. Причем российским историкам в значительной мере удалось сломать прежние схемы, сложившиеся в советский период, преодолеть многие идеологизированные штампы и стереотипы и значительно продвинуться на пути создания научно обоснованной картины взаимоотношений двух крупнейших восточноевропейских государств. Поэтому важно проанализировать вышедшие публикации, выявить то новое, что присуще современной российской историографии в оценке причин, характера и результатов "русско-литовских" войн (такой термин широко был распространен в советской исторической литературе, хотя он не совсем верно отражал их суть – эти войны этнически литовских земель ВКЛ почти не касались), лежавших в основе конфронтации между Московским государством и ВКЛ.

Основная часть

Следует сразу подчеркнуть, что постсоветский период развития российской историографии был отмечен появлением целого ряда исследований, с различных позиций освещавших взаимоотношения Москвы и Вильно, роль этих политических центров и формировавшихся вокруг них государств в судьбах восточного славянства. И во всех таких исследованиях довольно широко и обстоятельно отражались военные конфликты, происходившие между Московским государством и ВКЛ в конце XV – первой трети XVI вв. Так, важное место они заняли в труде по внешней политике России XV – XVII вв., выполненном авторским коллективом Института истории РАН [1, с. 100-104, 109-118] и получившим высокую оценку специалистов [2]. Эти же войны вошли в содержательную монографию А.Б. Кузнецова, подробно исследовавшего внешнюю политику Московской Руси в первой трети XVI в. [3, с. 21-59].

Военный аспект взаимоотношений Вильно и Москвы стал предметом изучения В.А. Волкова [4, с. 27-33, 37-78; 5, с. 171-184; 6, с. 53-56; 7, с. 60-63] и М.М. Крома [8, с. 170-199; 9, с. 35-39; 10, с. 85-148; 11, с. 67-82; 12, с. 145-153]. Свои версии причин активизации внешней политики Московского государства на западном направлении, начиная с конца XV в. изложили А.Н. Сахаров [13, с. 4-5; 14, с. 135-142], А.Ю. Алексеев [15, с. 179-181, 209-215; 16, с. 22-24] и Н.С. Борисов [17, с. 72-84; 18, с. 459-500]. Экономические причины этой полити-

ки вскрыл Л.В. Милов [19, с. 565-567], влияние внешнеполитических факторов на социальные процессы в Северо-Восточной Руси рассмотрела И.Б. Михайлова [20, с. 28-31; 21, с. 43-51; 22, с. 529-533], международную реакцию на “русско-литовский” конфликт изучила А.Л. Хорошкевич [23, с. 21-26; 24, с. 73-88].

Кроме обобщающих работ и отдельных тематических исследований, представителями российской медиевистики А.В. Виноградовым, Д. Володихиным, С.Н. Каштановым, А.А. Смирновым, Л.И. Семенниковой, А. Петровым, В.В. Пенским было высказано в многочисленных статьях и очерках немало интересных суждений и замечаний по различным моментам межгосударственных отношений с точки зрения Москвы, а российские литуанисты Б.Н. Флоря, М.Е. Бычкова, С.В. Думин, А.Ю. Дворниченко акцентировали внимание на позиции ВКЛ в этих отношениях. Работы обеих групп российских ученых существенно дополняют специальные труды и монографии, позволяют определить содержание и рамки научной полемики по спорным вопросам и помогают глубже оценить достижения современной российской исторической мысли.

Исторические реалии, сложившиеся в Восточной Европе на рубеже XV – XVI вв., политически размежевали восточнославянский этнос между ВКЛ и Московским государством. Но если в советской историографии ВКЛ выступало как некое противоестественное государственное образование, раздираемое феодальными, национальными и религиозными противоречиями, то теперь позитивно оценивается роль Вильно как одного из инициаторов объединения всех восточнославянских земель с целью создания нового балто-русского государства. Так, авторы “Внешней политики России (конец XV – XVII вв.)” не связывают создание централизованного Российского государства исключительно с объединительной политикой Москвы, но уделяют внимание и централизаторской политике ВКЛ, подчеркивая, что русские земли “все более определенно тяготели к Литовско-Русскому государству как центру собирания общерусских и антиордынских сил” [1, с. 83-85; 93]. Делается оговорка о последующей ориентации ВКЛ в сторону Запада, но отдельные российские авторы, тем не менее, отдают предпочтение «литовской» политической системе перед “московской”. “Опыт Великого княжества Литовского и Русского – считает С.В. Думин – показывает, что на восточнославянских землях было возможно создание не только азиатской деспотии Ивана Грозного, но и достаточно эффективное функционирование демократических институтов многонационального государства, в течение длительного периода довольно успешно решавшего свои многочисленные проблемы” [25, с. 123].

Современная российская историография отказалась и от другого тезиса – объявлять “литовский период” в истории украинцев и белорусов – периодом упадка и экономического застоя. Специально изучавший этот вопрос А.Ю. Дворниченко не нашел оснований для подобных утверждений, широко распространенных в советское время в отношении к ВКЛ. “Девять десятых его (ВКЛ) территории – подчеркивает исследователь – составляли бывшие земли Киевской Руси. Политика великих литовских князей по отношению к ним определялась формулой: “Мы старины не рухаем, а новин не вводим”. Другими словами, долгое время в составе новой державы сохранялась автономия древнерусских земель. Можно сказать, что Киевская Русь IX – XII вв. получила прямое продолжение в ВКЛ” [26, с. 55]. Эту точку зрения разделяют А. Петров, С.В. Думин, Б.Н. Флоря и многие другие. В хозяйственном отношении ВКЛ выглядело даже предпочтительнее. “Экономической базой, на которой основывалась государственная власть – указывает М.Е. Бычкова – преимущественно было феодальное землевладение; подробный сравнительный анализ его структур нуждается

ся в тщательном исследовании. Однако, опираясь на современные научные труды, можно предположить, что в изучаемый период землевладельцы Великого княжества Литовского раньше, чем российские начали переходить к интенсивному использованию своих имений” [27, с. 161]. Абсолютное большинство современных российских историков согласно с тем, что Московский объединительный центр не имел никаких экономических и политических преимуществ перед ВКЛ.

Вместе с тем Московское государство открыто заявило об исторических правах на восточнославянские земли ВКЛ и, как отмечает А.Н. Сахаров, “логично перешло ко все более расширяющейся и ожесточающейся экспансии, которая, с перерывами в период смуты и послесмутного времени, заняла более трехсот лет” [13, с. 4-5].

Однако в объяснении причин такой экспансии имеются расхождения. Многие ее объясняют “перманентной внешнеполитической опасностью” (А.Н. Сахаров) или угрозой со стороны враждебных народов, “натиск которых был временами настолько силен, что ставил под вопрос существование не только государства, но и самой русской нации” (А.А. Смирнов). Но такую точку зрения разделяют не все российские историки, ибо, как пишет М.М. Кром, во всех многочисленных войнах XV – XVI вв. “инициатива начала военных действий принадлежала России”, и что “достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, что территория Московской державы за время правления Ивана III увеличилась в несколько раз. В этой связи как-то странно звучат утверждения некоторых историков об оборонительной стратегии Москвы, о борьбе за выживание” [9, с. 37]. Имеются и другие версии причин московского экспансионизма. Так, Л.В. Милос “оборонительно-наступательную” функцию Московского государства связал с природно-климатическими факторами развития населения страны, когда “крайне экстенсивный характер земледельческого производства и объективная невозможность его интенсификации привели к тому, что основная историческая территория Русского государства не выдерживала увеличения плотности населения” [19, с. 566]. “Одной из причин такого положения – добавляет А.Л. Хорошкевич – стало то, что Русь на протяжении столетий развивалась экстенсивно... Отсюда проистекали бесконечные войны, отсюда огромное значение фактора военной силы” [23, с. 23-24]. “Помещичье государство – подводит итог М.М. Кром – было запрограммировано на постоянное расширение, внешняя экспансия была оборотной стороной экстенсивного экономического развития” [9, с. 37].

Военный историк Московской Руси В.А. Волков отмечает, что образование Московского государства произошло “в ходе договорного присоединения и военного захвата сопредельных княжеств и земель” [4, с. 5]. Официальная московская идеология с конца XV в. активно разрабатывала доктрину единства русских земель, находя ее истоки в эпохе Киевской Руси. Советская историография в буквальном смысле разделяла постулаты ученой русской книжности XVI в. о праве московских князей на все древнерусские земли рода Рюриковичей. Сейчас же идея единого Древнерусского государства, и тем более права московской ветви Рюриковичей на восточнославянские земли ВКЛ, находит все меньше почитателей. Такие исследователи, как А.А. Горский, И.Н. Данилевский, В.А. Кучкин, Н.А. Макаров, А.В. Назаренко, В.В. Седов, В.Л. Янин, А.Ю. Дворниченко признают, что языкового и этнокультурного единства на Руси было все же больше чем политического, ограниченного периодом княжения Владимира Святославича и Ярослава Мудрого. “Распадение некогда единого этнокультурного ландшафта – указывает А.В. Назаренко – на будущие: западный (белорусский),

юго-западный (малороссийский) и северо-восточный (великорусский), которое чаще всего связывают с монгольской катастрофой, я бы все-таки связал с литовской экспансией. Это напрямую связано с уже отмеченным И.Н. Данилевским легитимизмом: была создана параллельная династия Гедиминовичей. Этот факт подорвал древнерусское единство сильнее, чем самый страшный военный погром» [25, с. 13].

Критике подвергается и вотчинно-династическая теория московских князей, оправдывающая войны с ВКЛ. Эти войны со стороны Москвы Л.И. Семенникова прямо называет «агрессией» [29, с. 112-113]. «Справедливость требований о возврате того, что два или три века назад принадлежало чьему-то прапрадедушке, а после его банкротства «пошло по рукам» – замечает Н.С. Борисов – с точки зрения здравого смысла вызывает большие сомнения. Понятно, что историческая мифология, поставленная на службу политике, не терпит вмешательства здравого смысла. Но как забавно бывает слушать иных современных историков, с серьезным видом повторяющих эти рассуждения» [18, с. 573]. А.С. Думин еще более категоричен: «в конечном счете, выдвинутая в конце XV – начале XVI вв. московскими князьями программа «воссоединения» представляла собой политическую химеру, призванную обосновать аннексию пограничных земель Великого княжества» [25, с. 124].

Не находит подтверждения и другой тезис – считать войны реакцией Москвы на религиозное угнетение православного населения ВКЛ. По мнению М.М. Крома, «говорить о «религиозном гнете» в Литовском государстве эпохи Ягеллонов нет оснований: хотя православие было там не господствующей, а только терпимой религией, эта веротерпимость была достаточно широкой; никаких насилий или репрессий против православных не было, в вопросах культа им предоставлялась полная свобода... Роль защитников православия в Литве, которую присвоили себе московские государи, вместе с заявлениями об их правах на все русские земли должна была оправдать наступательную политику Москвы на западном направлении» [8, с. 69, 231].

Общую картину целей, задач и результатов политики Москвы на западе показала А.Л. Хорошкевич «Огромная часть русских земель – пишет исследовательница – находилась в составе ВКЛ, ближайшего соседа Руси на Западе. Если в период собирания ранее независимых русских земель – Тверского княжества, Новгородской феодальной республики и др. – задача русской дипломатии сводилась к обеспечению нейтралитета со стороны Великого княжества Литовского, то в конце 80-х гг. XV в. ситуация изменилась. На повестку дня стал вопрос о возвращении русских земель, находившихся в составе ВКЛ, не только дипломатическим путем, но и военным. В результате военных кампаний 1487 – 1494, 1500 – 1503, 1507 – 1508, 1512 – 1514 и 1517 – 1518 гг. были присоединены территории северских земель и Смоленск» [24, с. 73]. Расхождение вызывает лишь хронология: военные историки датируют первую войну Московского государства с ВКЛ 1492 – 1494 гг., а четвертую – 1512 – 1522 гг.

Новым моментом в оценке итогов и результатов этих военных кампаний выступает мнение о ВКЛ как о достойном противнике, способном противостоять активной внешней политике Москвы на западе. А.Б. Кузнецов обращает внимание, что «в Москве прекрасно осознавали, что ВКЛ серьезный противник, победить которого лихим кавалерийским налетом невозможно и готовились к продолжительной и тяжелой борьбе. В русской столице не ошиблись. Борьба России и Литвы за западнорусские земли продолжалась на протяжении всей первой трети XVI в.» [3, с. 55-56]. Как замечает А.В. Виноградов, «Московия взяла ВКЛ змором, двумя столетиями непрерывных войн» [30, с. 92].

ЛИТЕРАТУРА

1. История внешней политики России. Конец XV – XVII вв. (От свержения ордынского ига до Северной войны). / редкол.: А.В. Игнатъев [и др.]; отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.: Международные отношения, 1999. – 446 с.
2. **Виноградов, В.Н.** Пять веков внешней политики России (рецензия на "историю внешней политики России") / В.Н. Виноградов, Т.Н. Исламов, А.В. Ревякин // Новая и новейшая история. – 2004. – № 1. – С. 151-163.
3. **Кузнецов, А.Б.** Внешняя политика Российского государства в первой трети XVI века / А.Б. Кузнецов. – Саранск: Типография "Красный Октябрь", 2002. – 256 с.
4. **Волков, В.А.** Войны и войска Московского государства / В.А. Волков. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во "Алгоритм", 2004 – 576 с.
5. **Волков, В.А.** Русская рать: богатыри, витязи и воеводы / В.А. Волков. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во "Алгоритм", 2004 – 384 с.
6. **Волков, В.А.** Ратные силы / В.А. Волков // Родина. – 2004. – № 12. – С. 53-56.
7. **Волков, В.А.** "Хитрая война". Московско-литовское противостояние 1492 – 1494 годов / В.А. Волков // Родина. – 2003. – № 11. – С. 60-63.
8. **Кром, М.М.** Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI веков / М.М. Кром. – М.: "Археографический центр", 1995 – 304 с.
9. **Кром, М.М.** Когда отзвонил вечевой колокол / М.М. Кром // Родина. – 2004. – 1995. – № 6. – С. 35-39.
10. **Кром, М.М.** Стародубская война (Война Великого княжества Литовского и Московского государства 1534 – 1537 гг.) / М.М. Кром // Очерки феодальной России. – М.: УРСС, 1999. – Вып. 3. – С. 85-148; См. также: **Кром, М.М.** Стародубская война (1534 – 1537). Из истории русско-литовских отношений / М.М. Кром. – М.: ИД "Рубежи XXI", 2008. – 140 с.
11. **Кром, М.М.** О численности русского войска в первой половине XVI века / М.М. Кром // Российское государство в XIV – XVII веках: сб. статей, посвященных 75-летию Ю.Г. Алексеева. – СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 2002. – С. 67-82.
12. **Кром, М.М.** Православные князья в Великом княжестве Литовском в начале XVI века / М.М. Кром // Отечественная история. – 1992. – № 4. – С. 145-154.
13. **Сахаров, А.Н.** Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России / А.Н. Сахаров // Отечественная история. – 2000. – № 5. – С. 3-37.
14. **Сахаров, А.Н.** Древняя Русь на пути к "Третьему Риму" / А.Н. Сахаров. – М.: Институт российской истории РАН, 2006. – 146 с.
15. **Алексеев, Ю.Г.** Государь Всея Руси / Ю.Г. Алексеев. – Новосибирск: "Наука" Сибирское отделение, 1991. – 240 с.
16. **Алексеев, Ю.Г.** Судебник Ивана III: традиция и реформа / Ю.Г. Алексеев. – С-Петербургский государственный университет. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 447 с.
17. **Борисов, Н.С.** Русские полководцы XIII – XVI веков / Н.С. Борисов. – М.: Просвещение, 1993. – 192 с.
18. **Борисов, Н.С.** Иван III / Н.С. Борисов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 644 с.
19. **Милов, Л.В.** Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л.В. Милов. – М: РОССПЭН, 1998. – 572 с.
20. **Михайлова, И.Б.** В заботах о земле и службе. Русские помещики XIV – первой половины XVI века / И.Б. Михайлова // Родина. – 2003. – № 3.
21. **Михайлова, И.Б.** Служилые люди государя и Отечества / И.Б. Михайлова // Родина. – 2003. – №12. – С. 48-51.
22. **Михайлова, И.Б.** Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половины XVI века / И.Б. Михайлова. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2003 – 640 с.
23. **Хорошкевич, А.Л.** Государство "всея Руси" / А.Л. Хорошкевич // Родина. – 1994. – № 5. – С. 20-26.
24. **Хорошкевич, А.Л.** Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XIV – начало XVI вв. / А.Л. Хорошкевич. – М.: Эдиториал УРСС, 2001 – 336 с.
25. **Думин, С.В.** Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) / С.В. Думин // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX веков / сост.: С.В. Мироненко. – М.: Политиздат, 1991 – 367 с.

26. **Дворниченко, А.Ю.** "Мы старины не рухаем" / А.Ю. Дворниченко // Родина. – 2003. – № 11. – С. 55-57.
27. **Бычкова, М.Е.** Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV века до 1569 г. Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя / М.Е. Бычкова. – М.: РАН Ин-т российской истории, 1996 – 173 с.
28. Древнерусское единство: парадоксы восприятия (круглый стол) // Родина. – 2002. – № 11-12. – С. 5-13.
29. **Семенникова, Л.И.** Россия в мировом сообществе цивилизаций / Л.И. Семенникова. – Брянск: Курсив, 2000. – 539 с
30. Великое княжество Литовское (материалы дискуссии) // Родина. – 1992. – № 3. – С. 81-94.

Поступила в редакцию